

ЧЕТВЕРТЫЙ СЕЗОН

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Начинается четвертая осень «Вселенной Метро». Три года назад, запуская портал и читая рукописи первых книг серии, я и понятия не имел, что дело пойдет так далеко. Я вообще стараюсь не заглядывать слишком далеко в будущее и никогда не знаю, что произойдет со мной даже через год — да и планов не строю.

И вот — удивительное дело! — на моей полке стоят двадцать семь книг нашего проекта. За это время мы вместе открыли такие уголки «Вселенной», куда я сам никогда не догадался бы заглянуть — да мне и знания местности бы не хватило.

Главная беда долгосрочных проектов — а тем более проектов креативных — то, что рано или поздно они сдуваются. Набивают читателям оскомину, изживают себя, тонут в самоповторах. Авторы теряют интерес к затее, начинают относиться к ней как к рутине. Тут и сказочке конец.

Выход есть: впускать в проект свежую кровь, давать доступ новым идеям. Никого не тащить сюда силком, отсеивать тех, кого наша новейшая история интересует только как ремесленника. Набирать в команду исследователей и хулиганов, первооткрывателей и изобретателей и не принимать на борт скучающих профессионалов.

За годы, которые я пытаюсь научиться писать, я навыстраивал — и потом сам разрушил — множество наивных теорий насчет того, какая книга нравится читателю, пытался вывести формулу успеха. И только сейчас начинаю понимать простейшую истину: людям нравятся живые книги.

Там, где есть поиск и эксперимент, где есть нарушение запретов и изобретательство, — там есть жизнь. Где царят каноны и законы — пыль, тоска и забвение.

Чтобы открыть четвертый сезон нашего проекта, мы выбрали очень необычную, экспериментальную вещь, роман-мистификацию. Написанная целой группой молодых, дерзких, талантливых авторов, объединившихся под единым псевдонимом, эта книга соединяет в себе лучшее, чтобы создавалось разными писателями для нашей серии. Портал www.metro2033.ru и наша серия сумели объединить — и подружить! — людей из Москвы, Ярославля, Екатеринбурга и Берлина. Это — больше чем здорово. Это — знак. Это — Вселенная в действии!

То метро, та Красная Линия, которые открывает нам Тимофей Калашников, неизвестны даже самым верным и внимательным читателям «Вселенной».

Четвертый сезон вас удивит. Не переключайтесь.

Дмитрий Глуховский

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Уважаемые читатели!

Пожалуйста, не смущайтесь необычным порядком нумерации глав. В этом произведении, как перед стартом, все начинается с минус восьмой (-8) главы, которая, таким образом, является первой, и далее повествование стремится к нулю, он будет достигнут в соответственно, нулевой главе, после чего произойдет переход (как через терминатор) к положительному отсчету.

Стихи для эпитафий любезно предоставлены Майком Зиновкиным, сетевым поэтом из Архангельска (<http://www.stihi.ru/avtor/mikymike>).

У изнанки мира свое лицо,
И свой белый, пушистый мех.
Там герой окажется подлецом,
Даже если один за всех.
Там с иллюзий наших сбивают спесь,
Словно груши в чужом саду.
Для меня там тоже местечко есть —
Значит, я туда попаду.

Попаду без таинства, без волибы,
По скелетам чужим хрустя.
На изнанке мира виднее швы —
Там заштопают и простят.
И такому новому анти-мне
Не к лицу будут честь и стыд.
На изнанке мира (читай — на дне)
Заработаю злом висты.

И расплата мне раскурочит грудь,
Заставляя вмиг онеметь.
Сквозь изнанку мира короче путь,
Но в конце его — только смерть.
Ледяная мгла. Но тогда скажи,
Пожалев на меня патрон,
Отчего от правды, как и от лжи,
Выворачивает нутро?

Пролог НА ИЗНАНКУ

*Перегон Красносельская—Сталинская
(бывш. Сокольники). 2033 год, май*

Если крысы не прячутся, значит, все в порядке. Опасности на данный момент нет. По крайней мере, так говорят.

Комиссар проводил взглядом вереницу зверьков, серыми тенями пробежавших вдоль рельса и скрывшихся в щели. Возле заглушенной мотодрезины тоже был слышен уютный шорох и писк. Значит, можно убрать палец с курка и закурить. Человек достал из кармана кисет с табаком и мятую страницу, вырванную из старого журнала. Бумага выцвела от времени, а пролитый некогда чай размыл весь текст. Только на краю листа сохранилась строка с датой — 23 марта 2011. Комиссар задумался и невольно попытался вспомнить: что делал в этот день, больше двадцати лет назад. Кажется, еще в школе учился. Хотя, может, уже в институте

первый курс заканчивал. Молодой был. Девушкам нравился. До войны оставалось не так много...

Воспоминания смутным клубком валялись на задворках памяти. Слишком долго он их туда загонял, боясь сойти с ума от отчаяния и безнадежности. Чтобы выжить в новом мире, пришлось стереть из памяти старый. Комиссар хорошо помнил день, когда атомное пламя превратило город наверху в безжизненные руины. Он мог вспомнить множество событий после. А вот что было до... Мужчина поморщился, отгоняя ненужную ностальгию, и оторвал от страницы клочок с датой. Руки привычными движениями насыпали на бумагу табак из кисета и скрутили в трубочку. Щелкнула масляная зажигалка. Тусклый огонек осветил небритое лицо. Прогорклый дым наполнил легкие.

Пока комиссар курил, двое его подчиненных коротали время, обсуждая очередную историю из жизни караванчиков.

— Давай, не томи! Че дальше было-то? — громким шепотом спросил боец в замасленном ватнике у своего соседа. Из-за недельной щетины на лицах и почти одинаковой одежды напарники походили друг на друга, как братья-близнецы, отличаясь только наличием шапки-ушанки у рассказчика. Из-за кокарды с серпом и молотом головной убор был предметом особой гордости владельца. Комиссар недовольно покосился на возмутителей тишины, но промолчал.

Тем временем рассказчик выразительно покачал головой, отчего серп и молот на шапке тускло блеснули, а затем продолжил:

— Так вот... Слышат они скрежет какой-то. Вроде как дрезина едет. Даже стук колес доносится, а вот двигателя не слышно. Хоть ты тресни. Ну, ясное дело, ребята струхнули. Стали фонарем махать, авось заметят да притормозят. А стук все громче. Приближается, значит. Потом еще свист появился. Противный такой. Вдруг, раз... — на этом месте рассказчик выразительно взмахнул руками, стараясь придать убедительности своим словам, отчего потерял равновесие и едва не свалился с дрезины. Однако ему удалось удержаться, ухватившись за приваренный рядом пулемет. Приняв прежнюю позу и поправив драгоценную шапку, он продолжил: — Вдруг раз, значит, свет за поворотом показался. Не раздолбанный фонарь какой-то, а реально, прямо два

прожектора. Прикинь! Мужики от этого уже конкретно на очко подсели. Еще бы, такая хрень на тебя несется и тормозить не думает. Короче, стали они по-быстрому барахло с путей в сторону откидывать. А эта штука все ближе! Свистит, грохочет и светится так, словно тебя харей в лампу пихают. Кидают они кидают, а эта дрянь все быстрее на них несется. Короче, еле успели отскочить. Знаешь, че это было? — мужчина в шапке прервался на театральную паузу.

Его собеседник даже привстал с сиденья, словно боялся прослушать ответ.

— Поезд! — мужчина выразительно ткнул пальцем вверх с таким видом, будто только что поведал одну из великих тайн мироздания.

— Да ладно?! — пораженно воскликнул его напарник

— Шапкой клянусь!!! — ответил рассказчик с такой уверенностью, словно лично там присутствовал.

— В натуре, поезд?

— Сказал же. Только пустой. Без людей. Окна светятся, а внутри никого нет. Даже машиниста.

— А дальше че?

— Все. Проехал мимо и исчез. Мужики портки высушили, чего из товара осталось — собрали и дальше пошли. Первый еще ничего, оклемался, а второй заикой стал. Двух слов теперь связать не может.

— Погоди, а че с товаром-то стало?

— Во! В этом-то вся и фишка. Что не успели с рельс убрать, все в труху размоллоло.

— Ага, в труху, — согласился комиссар.

Оба сидевших на дрезине вздрогнули и с опаской посмотрели на своего начальника. Тот бросил на шпалу окурок, растоптал его сапогом, а затем добавил:

— Теперь, товарищи, подключаем мозг и начинаем им думать. Понимаю, трудно и не привычно, но надо. Из всего сказанного можно сделать вывод, что этот поезд был привидением. Так?

Бойцы поспешно кивнули. Это получилось так слаженно и синхронно, что выглядело весьма комично. Комиссар усмехнулся и продолжил:

— Как известно, у привидений есть одно общее свойство: их нет физически, поэтому они могут проходить сквозь предметы. Так?

Собеседники опять кивнули не менее дружно.

— Если они могут проходить сквозь предметы, значит, и это привидение должно было пройти сквозь барахло торгашей, не повредив его. Так? — комиссар медленно перевел упорный взгляд с одного на другого.

Оба вновь поспешно закивали, стремясь как можно убедительнее показать согласие.

— В итоге что у нас получается? Два капиталиста решили присвоить часть чужого имущества. Чтобы оправдать недостачу и избежать ответственности, они придумали байку про всякую чертовщину. А вы купились. Стыдно, товарищи коммунисты.

Незадачливые товарищи виновато устались в пол, всем своим видом выражая глубокую солидарность с мнением начальника. Комиссар еще раз усмехнулся и добавил назидательным тоном:

— А ты, Семенов, учти: еще раз услышу — на Лубянку отправишься. Там с тобой проведут разъяснительную беседу. Можешь не сомневаться.

Названный Семенов опять поспешно закивал головой с таким энтузиазмом, что раритетная шапка едва не свалилась на пол. Послышавшийся вдалеке гул мотора и стук колес избавили несчастных от дальнейшей экзекуции.

— Товарищ комиссар... там это... едут вроде... наверное, наши гости... — запинаясь, промямлил мужчина без шапки.

— Без тебя слышу. По местам!

Семенов кинулся за пулемет. Его напарник схватил фонарь и принялся им размахивать.

На приближающейся дрезине заметили сигнал. Мотор сбавил обороты, раздался противный визг тормозов. Комиссар вышел на несколько шагов вперед и встал рядом со стеной, чтобы не заслонять пулеметчика. После этого он, не торопясь, расстегнул кобур, достал пистолет и сложил руки за спиной, пряча оружие.

Подъезжающая дрезина катилась все медленнее. Когда до нее оставалось несколько десятков метров, комиссар скомандовал: «Огонь!».

Злобно застучал пулемет. Грохот выстрелов больно ударил по ушам. Туннель озарился снопами искр, выбитых пулями из рельсов, тубингов и металла платформы. Сидевшие на дрезине люди не успели ничего предпринять: первый же залп изрешетил всех. Водитель обмяк и уткнулся в панель управления. Другие повалились на пол. Кто-то свесился с поручней. Если крики и были, то их заглушал монотонный стук пулемета.

Из темноты перегона раздалась короткая автоматная очередь. Затем еще одна. Однако стреляли не с дрезины, а позади нее. Значит, все шло по плану. Четвертый из маленького отряда, заранее спрятавшийся в недрах перегона, захлопнул ловушку. Сейчас он добивал тех, кто успел спрыгнуть и пытался сбежать.

Стрельба оборвалась так же внезапно, как и началась. После этого грохота, усиленного замкнутым пространством, остальные звуки казались глухими и вялыми. Скрипя тормозами, расстрелянная дрезина немного прокатилась по инерции, пока не замерла в нескольких метрах от стоявшего комиссара.

— Чисто! — донеслось из темноты.

«Вот и хорошо. Привет от Лыкова Петра Анатольевича доставлен по адресу, кому надо. Операция успешно завершилась. Засада удалась. Никто не сбежал. Потерь тоже нет, ведь подъезжавшие даже не успели достать оружие, — на лице комиссара промелькнула скупая улыбка. — Что ж, повышение, теперь обеспечено. Может, даже орден дадут...»

Семенов с напарником подбежали к дрезине, которая теперь напоминала катафалк. Тонкий жестяной лист щитка радиатора больше походил на учебную мишень после пристрелки. Пассажиры выглядели не лучше. Кровь стекала тонкими струйками, исчезая в земле и образуя на шпалах черные лужицы. С центра платформы раздался стон и глухой хрип. Кто-то еще был жив.

— Добить и осмотреть! — рявкнул командир.

Мужчина без шапки достал из-за голенища кирзового сапога нож и запрыгнул на платформу. Хрип превратился в бульканье и через секунду затих.

— Товарищ комиссар... Их здесь нет... — вдруг растерянно сообщил Семенов.

— Как нет?! — взревел командир.

— Сами посмотрите...

Действительно, среди пятерых мертвецов не доставало именно тех двоих, ради кого была организована засада. Да и вообще, вся эта компания мало походила на людей, которых ожидал комиссар и его подчиненные. Судя по объемистым тюкам и бестолковому скарбу, заполнявшему дрезину, убитые были челноками или разнорабочими. Даже оружия у них имелось ровно столько, сколько нужно для душевного спокойствия во время транзита по родной и обычно безопасной Красной ветке. Ошибка? Или намеренная подстава? Оставалась последняя надежда, что тех, за кем охотились, подстрелил четвертый член отряда.

— Григорьев! Они у тебя? — крикнул комиссар в темноту туннеля.

— Нет, — глухо донеслось из перегона. — Здесь только один... пацан какой-то...

— Твою мать...

Планы о повышении рушились, как карточный домик. Мало того, за эдакий провал теперь уже их самих, всех четверых, могли поставить к стенке. Что делать?.. Кто виноват?.. Как исправить?..

— Вы у меня под трибунал пойдете! — в бешенстве заорал комиссар. — Зачем стреляли?

— Так вы же сами... — робко попытался возразить Семенов.

— Ма-алчать!!!

Из перегона снова раздался стук колес и звук работающего мотора. Приближалась еще одна дрезина. По всей вероятности, именно та, из-за которой они тут и торчали. «Теперь операция точно провалена: элемент внезапности потерян, огневой мощи тоже не хватит: дурацкая платформа загородила собой пулемет. Можно уповать лишь на безотказный ПМ, автомат и, черт побери, ружья мертвых челноков. Слишком мало против нескольких опытных бойцов, которые к тому же явно слышали выстрелы и теперь будут начеку. Отпираться и изображать невинность также не получится. Новоприбывшие сразу все поймут и расстреляют здесь же, без суда и следствия».

Несколько долгих секунд комиссар колебался, оценивая сложившуюся ситуацию, взвешивая все за и против. Все-таки еще оставался призрачный шанс исправить ошибку или искупить ее

кровью. Может, даже выжить, если повезет. А вот от Лыкова такой щедрости ожидать не стоило.

— Григорьев! Прячься!!! — крикнул командир в темноту. Затем он кивнул на охотничьи ружья, которые расстрелянные не успели достать, искомандовал подчиненным: — Разбирайте, товарищи.

Даже в полумраке было заметно, как побледнели оба бойца. Однако послушаться никто не посмел.

Троица затихла в гнетущем ожидании. Размеренный стук колес и рокот двигателя становились все громче. Огонек в темноте туннеля неумолимо приближался.

— Ждать! — громким шепотом приказал командир, опасаясь, что трясущаяся от страха парочка откроет огонь раньше времени. — Только по моей команде.

Тарахтящий мотор резко сбавил темп. Завизжали тормозные колодки. Сточенный металл золотистым шлейфом заструился по шпалам. Похоже, в подъезжающей дрезине заметили преграду и начали экстренно тормозить.

— Ждать!!! — просипел комиссар.

Теперь оставалось лишь надеяться, что из-за расстояния и рева двигателя подъезжающие не слышали стрельбы.

Однако опять все пошло наперекосяк, словно само метро за что-то прогневалось на затаившихся в засаде людей. Дрезина замерла совсем не там, где нужно, а гораздо дальше, и для стрельбы на поражение дистанция оказалась слишком велика. Вряд ли сидящим стрелкам теперь удастся с первого залпа уничтожить всех новоприбывших. Ситуация оборачивалась совсем не в пользу комиссара и его команды. Оба бойца растерянно посмотрели на своего командира, но тот лишь скрипел зубами в бессильной злобе.

Внезапно им в лицо ударил слепящий луч. После нескольких часов, проведенных в темноте, яркий свет больно резанул по глазам. Ощупью, с матом натыкаясь друг на друга, троица мгновенно попряталась за укрытия.

С подъехавшей дрезины не доносилось ни звука. Комиссара прошиб холодный пот: «Раз есть прожектор, значит, это уже не просто обычный транспорт, а боевая бронированная тачанка со всеми надлежащими атрибутами. У нее тогда еще и пулеметное гнездо стоит на возвышении...»

То, что подкатила именно тачанка, подтвердилось уже в следующую секунду. Ее экипаж адекватно оценил препятствие, посеченное пулями на том месте, где они сами должны были проехать. По засаде открыли огонь. С дробным стуком вокруг заплясали пули. Они свистели над головой и гулко ударялись о металл. Звонкий рикошет гулял по туннелю.

Первым не выдержал напарник Семенова. Мужчина поднял руку над двигателем, за которым прятался, и пальнул из трофейного обрезка. Владелец шапки последовал его примеру. К несчастью, чтобы навести на цель длинный ствол охотничьего ружья, пришлось наполовину высунуться из-за своего укрытия, и, едва успев спустить курки, он оказался прошит очередью из пулемета. Напарник с ужасом наблюдал, как пули насквозь пронзают боевого товарища, вырывают из тела ошметки плоти пополам с клочками ватника, оставляя за собой след кровавых брызг. Одна из пуль угодила прямо в лицо. От этого ушанка слетела с головы, забрав с собою не меньше половины содержимого черепа. Ружье выпало из рук обезображенного трупа.

Мужчина, наблюдавший смерть напарника, торопливо перекрестился.

— Крестовский, мать твою!!! — заорал комиссар, перекрывая грохот выстрелов. — Е...м не щелкай!!! Светильник, ёпт!!! По нему стреляй!!!

Тот торопливо кивнул. Высунувшись из-за своих укрытий, они попытались попасть в прожектор, но бивший в лицо свет лишил всякой возможности прицелиться. Тачанка виделась одним размазанным пятном. Оставалось стрелять наудачу. Непрерывно строчивший пулемет противника никак не добавлял шансов попасть в злополучный прожектор. Пистолетные пули, как и дробь из обрезка, бессильно отскакивали от бронелистов тачанки.

Тем временем пулеметчик сориентировался и сделал поправку на торчащую голову Крестовского. Пули замолотили аккуратно в двигатель, за которым тот прятался. Мужчина мгновенно сжался в комок и забормотал:

— Отче наш, иже еси на...

— Я те дам!!! — грозно рявкнул комиссар молившемуся и для убедительности погрозил кулаком. — Отставить, боец!!!

Тот запнулся и поглядел на командира с поистине животным ужасом.

Внезапно комиссар сам взвыл от боли, выронил пистолет и схватился за колено. Повернувшись, чтобы отчитать бойца, он случайно высунул правую ногу, в которую не замедлил вонзиться осколок тубинга. Сжав зубы, мужчина поднял упавшее оружие. Измазанные своей же кровью пальцы с трудом удержали рифленую рукоять ПМ. Командир поднял руку и расстрелял последние патроны. Затвор сухо щелкнул, возвещая о пустой обойме.

Попытка перезарядить закончилась неудачей: новый магазин просто выскользнул из мокрых от крови пальцев и потерялся в темноте. Последний, третий, лежал в боковом кармане брюк. Несколько мучительно долгих секунд комиссар боролся с пуговицей, которая никак не хотела пройти в петлю. Мешала сильная дрожь — болевой шок отпускаял, и трясущиеся пальцы каждый раз соскальзывали.

— Да откройся же, вобла сушеная! — в сердцах выругавшись, он наконец просто оторвал ненавистную пуговицу.

Прохладный металл магазина скользнул под ладонь и с характерным щелчком занял привычное место. Теперь оставалось ждать, чтобы стрелок перенес огонь на Крестовского, но, главное, не отключиться от потери крови.

Вдруг наступила тишина. Она навалилась так внезапно, что обоим выжившим поначалу показалось, будто они оглохли. Спустя несколько секунд зарокотал мотор. Свет, бивший в лицо, начал ослабевать. Комиссар осторожно высунул голову: тачанка дала задний ход и медленно отъезжала. В ярости, с перекошенным от боли лицом он поднял пистолет и сделал несколько выстрелов. Пули бессильно запрыгали по броне, расцветая в темноте яркими снопами искр. В ответ огрызнулся пулемет. Одиноким выстрелом, словно в насмешку.

Крестовский с плохо скрываемым облегчением посмотрел вслед уползающей тачанке. Затем он перевел взгляд на убитого напарника и грустно вздохнул.

— Эх, Женька... — пробормотал он, спрыгнув с дрезины. Подойдя к трупу, он первым делом поднял раритетную шапку и с омерзением вытряхнул из нее отвратительное месиво из крови,

мозга и волос. Покрутив в руках головной убор, напарник мертвеца с удовлетворением обнаружил, что вожденная кокарда не пострадала. Серп и молот по-прежнему тускло мерцали в полумраке. Еще немного поизучав шапку, мужчина разочарованно просунул палец в дырку на том месте, где пуля вышла из головы предыдущего владельца.

«Ладно, сойдет... Машка зашьет. Заодно и отстирает. А ведь теперь шапка-то у меня как заговоренная будет! Пуля в одно место два раза не попадает...» — подумал он.

— Крестовский, дай, чем перевязать... — чуть слышным шепотом произнес комиссар, баюкая раненое колено. — И, это... сходи, глянь, чего там с Григорьевым...

Глава -8 ТАНЦУЮЩИЙ С ТЕНЬЮ

*Дуэль между светом и тьмой, между правдой и ложью.
Танцующий с тенью на звеньях разорванных уз,
Когда я умру, положи мне на грудь подорожник
И чёрным дождём окропи нашу звонкую грусть.*

*Туннели уводят всё глубже и глубже. И нервы
Натянуты так, что на них выступает Тибул.
Пусть нищие духом поют про заоблачный Шервуд —
Заплывшие жиром всегда их поддержат с трибун.*

*От перебинтованных временем толку немного —
Всего полрожка да дырявый трюх со звездой.
Но та бочка меда, в которой отсутствует деготь,
Едва ли кому-нибудь в жилу. Отчаянный вздох.*

*Схождение: сила на силу и воля на волю —
У марионеток есть шанс оборвать свою нить.*

*Любовь или ненависть сердце сильнее уколет?
Лишь смерть разлучает, чтоб после вновь соединить.*

*Дрожат секунданты в предчувствии близкой развязки.
Осталось чуть-чуть — пара па. Осторожней, танцор!
Когда я умру, я уйду без патронов и маски
Туда — на поверхность, где солнце. И ветер в лицо.*

— Ну и что теперь с этим триппером делать? — Анатолий Лыков большой ладонью тяжело припечатал листок бумаги, лежащий справа от его тарелки, а потом еще более тяжелым взглядом уперся в лицо сына.

В прежние времена Петр вполне мог бы быть актером, кумиром женщин; впрочем, на недостаток женского внимания он не мог жаловаться и сейчас. И дело тут было не только в том, что у него в карманах не переводились патроны. Выразительное лицо, с нагло-высокомерной улыбкой, частенько кривившей его четко очерченные губы, и атлетическая фигура в сочетании с аурой самоуверенности делали его поистине неотразимым в глазах многочисленных девиц, вздыхавших по красивому парню.

— Что-что... Драться! — сквозь зубы процедил Лыков-младший.

— Драться?! Вот, тоже мне драчун нашелся! Видали? Драться он будет!!! — Лыков сделал широкий жест рукой, который пропал за неимением публики, потому что в маленькой служебной комнате, приспособленной под столовую для высшего начальства, никого, кроме него, сына и дочери, не было.

— Папа, вы еще будете что-нибудь? — спросила Ирина, намеренно игнорируя зарождающийся скандал, так как давно привыкла к напряженным отношениям в своей семье. — И, Петя, ты совсем ничего не ел. Зачем я готовлю?

— Не готовь!

— Ты мне не смей так с сестрой разговаривать! — сорвался на крик голос Лыкова-старшего. — Ишь-то, как с другими, с уродами всякими, так ты у нас рыцарь, на дуэлях дуэльствуешь! А ты с женщиной научись разговаривать, дуэлянт!

— Папа, ну не надо кричать, вас услышат, — сморщила Ирина симпатичный носик.

Она смотрела на мужчин и привычно удивлялась, насколько могут быть не похожими отец и сын. Пожилой, пятидесятипятилетний мужчина, среднего роста, довольно крепкого телосложения, отмеченный уже заметной сединой (непродолжительный период он ее закрашивал, но затем плюнул на *бабское* занятие), которую носил с достоинством зрелого, начинающего стареть человека. Размышляя о чем-то, он аккуратными движениями пальцев осторожно поглаживал бородку, за которой ухаживал не без удивительного для самого себя удовольствия, но стоило поглаживаниям перейти к более энергичному массажу кожи под волосами, собеседнику стоило опасаться самых неприятных последствий. И, кажется, сейчас буря приближалась нешуточная.

— Да пусть слышат! Чего уж тут слышать, если и так последняя собака на станции знает: Петр Лыков — убийца! — жарким шепотом проговорил отец.

— Пока еще только подозреваемый. Доказательств у них все равно нет...

— Так будут, будут у них доказательства, разве ты не понимаешь? Будут! Ты видел, что они тут пишут? У них свидетель есть! Твой боец, между прочим, какой-то Григорьев, к ним в руки попал! А отправят его на Лубянку, он что хочешь расскажет!

— Нет, не отправят... И вообще я думаю, что все это вранье. Будь у них живой свидетель, они бы не ультиматумы присылали... — задумчиво протянул Петр.

— Да дело уже не в свидетелях. Как ты мог так позорно провалить операцию?! — вскипел Анатолий. — Я тебе доверял, по-серьезному доверял... Почему вы расстреляли эту проклятую дрезину, не убедившись, что Сомов и Зорин на ней? Зачем это было делать, я тебя спрашиваю?

— Горячка боя... Не разобрались. Наемники увлеклись... Но они уже наказаны.

— Не-е-ет, тут не наемники виноваты. Они — идиоты по определению, чего их наказывать? Тут твоя личная управленческая недоработка! А я тебе говорил, что надо было делать! Говорил!

— Отец, ну как вы понять не хотите, что не подобраться было к их инженеру. Разведка же не всесильна... Не могу же я в голову к Сомову или к Зорину влезть! Операцию по переправке этого бауманца готовили только они. Никого лишних, никого со стороны. Инженеришка этот, школьный друг Зорина-старшего, вел переговоры только с ним лично, а мы даже имени его не знаем. Сроки переправки — неизвестны. Пути — неизвестны. Маскировка — неизвестна. Ноль информации. Еще чудо, что и такие крохи узнать удалось... Нереально было их перехватить. Понимаете? Не-ре-аль-но! А удобного случая ждать, пока они свои планы воплощают, тоже нельзя было... — Петр из последних сил старался говорить спокойно и убедительно, однако это давалось ему с трудом.

Он прикрыл веки, чтобы не встречаться взглядом с глазами отца. Эти безоговорочно умные глаза-хамелеоны могли приобретать, в зависимости от ситуации, всезнающую мудрость, а могли стать не по возрасту наивными и потерянными. Но хуже всего Лыкову-старшему удавалось участие и «тошнотворно-бескорыстная» добродетель. В редкие секунды потери самообладания глаза его становились холодными — на грани расчетливой жестокости и трудно сдерживаемого презрения. Многие из тех, кто хорошо знал Анатолия Тимофеевича, отмечали в его взгляде глубину, внимательную проницательность, а временами — задумчивую отстраненность.

— Давай-давай, оправдывай свои провалы. А я тебе скажу, что дальше будет, — Лыков-старший посерел лицом и нахмурился. — Если ты проиграешь свою дурацкую дуэль, то усилишь тень, которая уже брошена на мое имя. Доклад об этом деле Москвину я на некоторое время блокирую, конечно. Но когда этот инженеришка начнет на Красносельской работать, когда они наладят выпуск батареек, когда в партийную кассу пойдут отчисления, когда наши вечно голодные коммунисты увидят, что можно сыто жить, то знаешь, что тогда будет? Зорин со своей чертовой партией выиграет выборы на пятнадцатом пленуме! И немудрено, с такими козырями и полнейший чурбан бы выиграл. В этом случае их и Центр поддержит, а вот тогда я должен буду пустить себе пулю в лоб. Потому что никто, слышишь, никто не снимет Анатолия Лыкова с должности секретаря Северной партячейки! Я в этом крес-

ле умру. Но вот что с тобой и сестрой станется, мне подумать страшно.

— Ну, папа, почему вы так пессимистичны? Столько лет на Сталинской, люди же вас тут любят! — Ирина укоризненно выпятила нижнюю губку. — А вы совсем себя не цените...

— Ценю, моя хорошая, да вот только, ты сама увидишь, до чего народ докатился! Ничего святого! Коммунисты называется: за жарчку мать и отца продадут! — со вздохом сказал Лыков-старший, отодвигая тарелку, на которой еще оставался изрядный кусок прожаренного до золотистой корочки пирога с начинкой из грибов и свинины. — Спасибо, дочка! Вкусно сделала, мать бы тобой гордилась!

— Па, а можно я на Ганзу? — воспользовалась Ирина настроением отца.

— Нет, сейчас время больно беспокойное, чтоб через Красносельскую ехать. Тут пережди. Уж потерпи, моя красавица!

* * *

Неспешным шагом войдя в свой кабинет, секретарь Северной партячейки задержался около большой схемы, занимавшей на стене несколько метров. На ней была вычерчена замысловатая кривая, испещренная разноцветными пометками, красными восклицательными знаками, датами, цифрами, обведенными в жирные круги и квадраты. Анатолий Лыков проследил взглядом извилистую кривую, словно бы опять шаг за шагом проходил повороты, стрелки, погрузочно-разгрузочные площадки. Все это было знакомо как свои пять пальцев, он мог представить себе каждый метр змеящихся рельсов. Кто-то из обитателей станции по аналогии с реалиями давней, забытой всеми войны назвал этот коридор «дорогой жизни». Лыков усмехнулся: удивительно, насколько точно это название отвечало его назначению. Та, старинная дорога, шла по льду озера, соединяя осажденный город, которого сейчас уже наверняка и в помине нет, с «большой землей». По его дороге, сокольнической, в метро доставляли сначала муку, а потом зерно с огромного мукомольного комбината с

ласковым названием «Настюша», расположенного на соседней улице от входа станции Сокольники, переименованной в тот же год в Сталинскую.

Но, может быть, впервые Лыков осознал, что схема, к которой он привык относиться как к своей величайшей победе, теперь символизирует его величайшее поражение. Все эти годы она кричала о грандиозных достижениях своего творца. Шутка ли: враз перескочить с должности скромного слесаря-наладчика, в подчинении у которого был всего один ученик — туповатый парень, выгнанный из школы, — до начальника станции, чьи приказы бросались исполнять сотни людей! В одночасье стать отцом-командиром, нежданно получив в руки кубок опьяняющей власти над тысячами голодных. И ведь он любил их, этих дрожащих, испуганных, ни на что не годных людишек, он помогал им, думал за них, спасал, дарил жизнь... Это продолжалось так долго, что вошло в привычку. А вот сейчас подлый кусок бумаги словно насмеялся, шепча: все кончилось, все прошло...

— Какие люди были! Какой подъем сознательности! — проговорил вслух секретарь Северной партиячейки, чтобы отогнать видение пустого, мертвого коридора. — Жизни своей не щадили, в тяжелейших условиях работали, но смогли ведь, построили дорогу! По подвалам, по канализационным коллекторам проложили рельсы, добыли вагонетки и начали возить сначала муку, потом зерно... Да, условия работы были ужасающие, — он постепенно увлекся и уже даже размахивал руками. — Многие погибли, пожертвовали собой, но сумели обеспечить хлебом своих... да что там, своих! Почитай, все метро несколько лет на этом зерне жило, прирастала Красная ветка могуществом, авторитетом, людьми... даже Полис с нами тогда считался. А как же! Недаром же говорится: хлеб, он всему голова. За хлебушек-то кому хочешь поклонисься...

О-о, в те времена против меня никто и голову поднять не смел! Сам Москвин лебезил. Но что делать, все хорошее когда-нибудь кончается... Закрома мелькомбината опустели, и теперь... Думать не хочется. Не люди, а слякоть одна! Да еще Зорин этот проклятый. Какую змею на груди пригрел, какую мразь неблагодарную!